

ИВАН ГАПАНОВИЧ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Амир Александрович ХИСАМУТДИНОВ, кандидат исторических наук, доцент ДВГТУ. Сфера научных интересов — русская эмиграция в АТР, историография.

Иван Иванович Гапанович был из той когорты ученых, которых ничто не могло остановить в познании мира. Очень часто смерть ходила рядом, но он ни на миг не оставлял своих научных изысканий, занимаясь любимой географией на фронтах первой мировой войны и изучая этнографию на охваченной гражданской войной Камчатке. До последнего момента ученый жил в советской России и уехал за границу только тогда, когда угроза его жизни стала весьма реальной, но и в зарубежье писал труды о России и россиянах. Его имя как энциклопедиста высоко ценилось иностранными исследователями. Сегодня работы Гапановича широко известны среди зарубежных специалистов, занимающихся российским Дальним Востоком¹. Наши же исследователи, к сожалению, плохо знают труды этого эмигранта-энциклопедиста, так как в России они не издавались. Первым биографом И.И. Гапановича был В.Н. Жернаков².

Иван Гапанович был исконным петербуржцем — родился 21 июля 1891 г. в чиновничьей семье. Окончив в 1909 г. с золотой медалью гимназию, поступил на историко-филологический факультет столичного университета. В 1913 г., получив диплом первой степени, решил прослушать курс лекций еще и на юридическом факультете. С началом первой мировой войны то ли опьяненный патриотическим угаром, то ли будучи призванным Иван отправляется в действующую армию. Окончив школу прапорщиков, участвовал в Брусиловском прорыве, где молодому офицеру довелось сполна хлебнуть крови. После этого, послав ко всем чертям войну и разразившуюся революцию, Гапанович решил уехать от них как можно дальше. Так он оказался в 1918 г. на Камчатке, «где еще не утвердилась власть советов и жизнь, по слухам, была легче, чем в голодном Петрограде»³.

Все же и на далекой российской окраине Гапанович не избежал политики, став членом Камчатского областного правительства и его полномочным представителем во Владивостоке. «В это время, — вспоминал он, — возникла идея «Камчатской автономии», которая была сформулирована Пуриным и включала такие пункты: областное управление должно быть приспособлено к крайним особенностям; нужды местного населения, материальные и культурные, должны получить больше внимания, чем прежде; и самое важное — Камчатка имеет право на долю в доходах, которые получало российское правительство от рыбных промыслов. На эту программу потом нападали и «справа и слева», но в сущности она не шла дальше принципа областного самоуправления и если была неправильно понята местным населением, то в этом не были виноваты ее авторы <...> Состоя в секретариате съезда, я мог познакомиться и с его участниками и с его стилем работы. Мне даже было поручено составление доклада о регламентации пушного промысла на Камчатке. Не зная ни этого промысла, ни самой страны, я смело составил доклад на основании проектов

б. генерал-губернаторской канцелярии; делегаты слушали и одобряли, что они делали и при других докладах, которые были, видимо, такого же свойства. Самым важным результатом съезда было подтверждение власти Областного комитета, деятелем которого открывался, наконец, простор для выполнения намеченной программы»⁴.

В 1920 г. И.И. Гапанович решает сделать небольшой перерыв в политических баталиях и отправляется на север. Экспедиционные материалы позднее вошли в его книгу о камчатских коряках, увидевшую свет уже в эмиграции в 1932 г. Исследователь всегда будет вспоминать с большим удовольствием ту поездку. «Я получил, — писал он позднее, — интересное назначение: пользуясь рейсом парохода от Петропавловска до Берингова пролива, информировать население о положении на материке, принять местные жалобы, доставить товары в продовольственные склады и произвести выборы на областной съезд. Выполнив все это, к осени 1920 г. я вернулся в Петропавловск. Плавание было продолжительное, высадка на берег по беспокойному морю всегда сопряжена с опасностью, около мыса Дежнева нам встретились льды. На Чукотке я мог видеть положение русского дела: русская администрация была представлена тремя лицами, я должен был говорить с береговыми чукчами и эскимосами по-английски, что было для них приятнее русского, и меня спрашивали, правда ли, что Чукотка передана американцам. Этот Областной съезд более широко представлял страну, чем предшествующие, хотя выборы были в некоторых местах по необходимости несовершенно. Вероятно, благодаря моим дальним поездкам меня больше знали, почему и выбрали председателем съезда. Обстановка на Камчатке была сложной: хотя здесь не было японской интервенции как на Д.В., все же в Петропавловской гавани стоял крейсер, готовый защищать японские интересы; возник туземный национализм среди якутов в Охотске и камчадалов на полуострове, где даже говорили об изгнании русских. В самом Петропавловске более отчетливо выделилась правая группа, надевавшаяся на возврат к старому, и левая с симпатиями к советскому режиму.

При таких условиях необходимо было соблюдать особую осторожность, чтобы не вовлечь Камчатку в международные осложнения, и, разделяя демократическую программу, сосредоточиться на внутренних делах: местная администрация, северная торговля, культурные нужды, положение кочующих. Съезд поддержал меня против правых и левых, принимал пункты намеченной программы и предложил избрать меня председателем Областного комитета. Хотя мне и соблазнительно было стать во главе управления, а не только быть его критиком, как прежде, я отказался от этой должности потому, что, прожив три года на севере, чувствовал, что я отстал от событий на материке и хотел видеть сам, куда же шло их развитие. Кроме того, я мог быть полезен для области и во Владивостоке, где находился золотой ключ ко всем нашим планам. Съезд, согласившись с этим, поручил мне отправиться туда в качестве уполномоченного по делам Камчатской области; особой инструкции не требовалось, так как по прежней работе я хорошо знал, что было нам нужно. По пути я имел приключение, которое было как бы предзнаменованием будущего. Наступила зима, авианье в северных широтах стало опасным, и мы в самом деле потерпели аварию около Курильских островов; дрейфуя «без руля и без ветрил», мы получили помощь от американского парохода, который доставил нас буксиром на о. Хоккайдо в Японии. Оттуда мы кое-как добрались до Владивостока»⁵.

Во Владивосток И.И. Гапанович прибыл в самый разгар политических событий, которые развивались так стремительно, что порой было трудно уга-

дать, кто же в данный момент находится у руля власти в городе. Конечно, во Владивостоке никому и дела не было до Камчатки и ее проблем, никто не хотел даже выслушать его. Понимая, что сделать ничего не удастся, Гапанович решает отойти от политической деятельности и вернуться к науке: привести в порядок полевые наблюдения и расширить географию исследований. Уже после окончания гражданской войны у Ивана Ивановича возникло желание заняться предпринимательством. В 1923 г. он организовал предприятие, работавшее на Нижнем Амуре и занимавшееся снабжением заброшенных приисков. Но с концом нэпа это дело лопнуло.

Несостоявшийся коммерсант уезжает во Владивосток, где решает целиком посвятить себя научной деятельности. Он устраивается на работу в Краеведческий научно-исследовательский институт, который входил в Государственный Дальневосточный университет (ГДУ), где читает курс лекций и занимается работой, посвященной антропологии коренных народностей. Рассматривая ее через призму экономических отношений, Гапанович пришел к интересным выводам и предложениям. К сожалению, власти не прислушались к его мнению. Более того, во Владивостоке продолжал витать слух о том, что на Камчатке он поддерживал белую власть.

Очень часто Гапановича можно было видеть во Владивостокском отделе Русского географического общества (Общество изучения Амурского края)⁶, где он старался пополнить свои сведения о северо-востоке России. Библиотека ОИАК позволила ему с лихвой восполнить этот пробел. Он был дружен с В.К.Арсеньевым, неоднократно встречался с библиографом З.Н. Матвеевым, отметившим труды Гапановича в своей библиографии⁷. С ними и другими исследователями Гапанович охотно обсуждал свои идеи. В основном он публикует работы, посвященные экономическому положению на северо-востоке России. Обилие материала позволило ему напечатать в 1926 г. небольшую книгу о Камчатке.

Предчувствуя будущие репрессии (ему как бывшему царскому офицеру приходилось еженедельно отмечаться во владивостокском отделении ОГПУ), Гапанович уехал в 1925 г. в Китай. Меньше чем через десять лет после отъезда в Хабаровске прошло первое судилище по так называемому делу о Камчатской автономии. Согласно судебному решению, расстреляли ученого камчадала П.Т. Новограбленова, лесовода С.Д. Кориенко, бывшего ректора ГДУ профессора В.И. Огородникова и других друзей Гапановича. Автором первых массовых репрессий на русском Дальнем Востоке являлся полномочный представитель (ПП) ОГПУ НКВД Т.Д. Дерibas. Он деятельно занимался разработкой секретных мероприятий против японцев и русских эмигрантов, осевших в Маньчжурии и силой оружия пытавшихся вернуться на Родину. С помощью своих агентов Дерibas многое знал о планах эмигрантов, среди которых активную работу проводили деятели совета уполномоченных организаций автономной Сибири (СУОАС).

Среди руководителей СУОАС находился бывший камчатский деятель А.А. Пурин, хорошо знавший И.И. Гапановича и В.К. Арсеньева. В библиотеке ОИАК хранится книга Пурин с автографом Арсеньеву. Пурин был представителем СУОАС в Циндао, откуда его исключили за «организацию и посылку группы для участия в партизанском движении, каковая группа оказалась спровоцированной и попала в крайне тяжелое положение, а собранные для этого средства оказались выброшенными в интересах советской провокации» (Hoover Archives. USA. Moravsky Box 12). А.А. Пурин не оставил борьбы против советской власти. Позднее по распоряжению НКВД его захватили в Шанхае китайские коммунисты и отправили в Хабаровск. По делу о Камчатской автономии

будет арестована и жена покойного к тому времени В.К. Арсеньева, которого назовут одним из руководителей «Камчатской автономии».

Некоторое время Гапанович жил в Харбине, где стал членом Общества русских ориенталистов. На одном из заседаний он выступил с сообщением о жизни коренных народностей российского Дальнего Востока. Несколько научных статей были опубликованы в «Экономическом бюллетене» и в «Вестнике Маньчжурии». Занимаясь изучением этнографии и антропологии, Гапанович провел немало времени в музее Общества изучения Маньчжурского края. Тогда же сблизился с юным В. Жернаковым, который стал его первым биографом.

В Шанхае, куда Иван Иванович переехал позже, он занимался педагогической деятельностью, много материалов печатал в русской и иностранной прессе о русском Дальнем Востоке. В центре его работ по-прежнему лежала Камчатка и ее жители. «Конечно, перевоспитание туземца, — писал Гапанович, — дело нелегкое, требующее жизни нескольких поколений, может быть, целого столетия (при бестолковости просветителей оно может тянуться, как было на Камчатке, два-три столетия); быстрые перемены тут невозможны, да и не нужны. Улучшение материального быта необходимо в первую очередь, и оно осуществимо легче, чем что-либо другое. Наоборот, общественные отношения с трудом поддаются ломке, да это и излишне, так как под большим сомнением находится, где они справедливей, в культурном обществе или примитивном. <...> Школе в особенности предстоит поработать над созданием новой идеологии туземного населения; до сих пор душа северного туземца была очень мало затронута каким-либо влиянием с этой стороны. Некоторое затруднение может вызвать вопрос о языке школы; школа русификаторская и школа туземная — одинаково неподходящи на Севере: первая достаточно показала свою бесплодность в течение двух веков, вторая, при том культурном уровне, на котором стоят палеоазиатские племена, была бы не фактором колонизации, а ее отрицанием. Школа должна научить туземца русскому языку как мощному средству, при помощи которого он может приобщиться к современной культуре, дать учащемуся тщательно подобранный комплекс знаний общего характера, благодаря чему он выйдет из свойственного ему состояния психической изолированности, и в особенности снабдить учащегося, в зависимости от различий туземного хозяйства, техническими навыками»⁸.

Это отрывок из большой работы, в которой Гапанович проследил экономическое и политическое состояние северо-востока России на протяжении всего российского влияния, отметив его сильные и слабые стороны. «Русский Север представляет яркий пример, подтверждающий сказанное во всех сферах его жизни: казацкое завоевание, самодурство администрации, притеснение туземцев — отличительные черты сибирской истории, проявившиеся на крайнем северо-востоке, может быть, сильнее, чем где бы то ни было. Безнадежный и порой мрачный характер северного управления вызывался: 1) удаленностью его от каких-либо административных центров, которые могли осуществлять кое-какой контроль над русскими колонизаторами; 2) слабостью и разоренностью туземного населения, которое не могло давать никакого отпора угнетению завоевателей. Естественно, что казаки распоясались здесь, как нигде, исключая разве Аляску. А что касается хищничества администрации, то оно благополучно сохранилось здесь до наших дней в формах, от которых уже успела отвыкнуть Сибирь»⁹.

В 1931 г. Гапанович был приглашен на должность профессора истории в Национальный Цинхуаский университет в Пекине, где преподавал около 20 лет древнюю и русскую историю. Условия в университете были благоприятными. Именно тогда он написал несколько фундаментальных трудов об истори-

ческом синтезе. К сожалению, его работа о палеоазиатах, уже подготовленная к печати, погибла во время войны.

В 1937 г. университет был эвакуирован в г. Чаншу, а затем в Куньмин. Там Гапановичу пришлось прожить восемь лет. «По окончании войны, — писал В.Н. Жернаков, — осенью 1954 г. Иван Иванович очутился в Чунцине, откуда после месячного пребывания, отправился в Пекин. Университет во время войны не пострадал, т.к. был занят госпиталем. Возвращались студенты, начиналась новая жизнь. После возвращения И.И. Гапанович продолжал работать как профессор истории сначала в прежнем Цинхуанском университете, затем в национальном университете, а потом в Национальном Пекинском университете. После реорганизации высшей школы, вызванной революционными событиями в Китае, преподавал в том же университете русский язык и литературу»¹⁰.

После окончания второй мировой войны подхваченная новой волной русской эмиграции семья профессора Гапановича эмигрировала в Австралию, поселившись в Канберре. Здесь он преподавал русский язык в университетском колледже. «В колледже, — писал Жернаков, — русское отделение было только что открыто, преподавателей было мало, библиотека находилась в стадии организации. Работа со студентами отнимала много времени и, в связи с другими обстоятельствами жизни, давала мало досуга для личной работы, которая ограничивалась статьями и рецензиями. Позже положение во всех отношениях улучшилось, но деятельность Ивана Ивановича уже подходила к концу»¹¹.

В конце 1964 г. Иван Иванович вышел в отставку и поселился в Сиднее. Именно тогда он стал работать над своими воспоминаниями, отрывки из которых увидели свет в «Новом журнале», выходившем в Нью-Йорке. «Бурный период моей жизни пришел к концу, — писал он. — После 1922 года я потерял связь с Камчаткой, а позже и с Россией вообще, когда ушел в эмиграцию и поселился в Шанхае, как многие русские из Владивостока. Большая часть лиц, которые упоминаются в моем рассказе, умерли насильственной смертью; даже Пурин, уже живя в Шанхае, не избежал этой участи, захваченный китайскими коммунистами. Поэтому я и решил отметить эти события, которые иначе были бы забыты; по той причине я старался быть сдержан, рассказывая о людях, которых нет в живых. Что же я могу сказать о себе самом? У меня была вера, которую я разделял со всей русской демократической интеллигенцией, вера в возможность «третьего пути» для русской революции. Вера эта не оправдалась в самой России, и тем более это было невозможно на далекой Камчатке. Для меня лично следом, оставшимся от четырехлетней там жизни, осталась книга, в которой я описал колонизацию Камчатки в прошлом и состояние ее в мое время»¹².

В течение своей долгой жизни (1891-) И.И. Гапанович занимался многими науками, результатов этой деятельности с лихвой хватило бы на несколько ученых. Являясь пионером в исследованиях по экономическому положению коренных народностей российского Дальнего Востока, Гапанович смог вплотную подойти ко многим вопросам антропологии и этноса. К сожалению, некоторые рукописи, в которых он ставил проблему по палеоазиатам, уже безвозвратно погибли. Отечественные этнографы и историки только начинают рассматривать теоретические вопросы этой темы. Многое сделал Гапанович и в преподавании русского языка, написав несколько учебных пособий, но и здесь проявился трагизм русского профессора. В современном Китае его вклад остается неопределимым. Удивительным в его жизни было и то, что, занимаясь тунгусоведением, Камчаткой и прочими проблемами российского Дальнего Востока,

И.И. Гапанович не мог рассчитывать на признание не только китайских коллег, но и отечественных специалистов. В то же время его вклад в исследование севера-востока России не прошел мимо американского историка Джона Стефана, отметившего это в своем фундаментальном труде¹³.

СОЧИНЕНИЯ И.И. ГАПАНОВИЧА

1. Воспоминания о Санкт-Петербургском университете в 1909—1914 гг. // *Melbourne Slavonic Studies*. 1970. С.68—75.
2. На юге Китая в годы войны (1938—1945) // *Новый журнал*. 1969. Кн.94. С.200—212.
3. Революция на Севере: Охотско-Камчатский край в 1917—1922 гг. // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1967. Кн.89. С.132—143.
4. *Russian historiography outside Russia. An Introduction to the Study of Russian History*. Peiping, 1935. 188 p.
5. Россия в Северо-Восточной Азии. Пекин: Тип. Пекинской Русской миссии. В 2-х ч. Ч.1. Колонизация Севера в прошлом и настоящем. 1933. 186 с.; Ч.2. Богатства Севера, их эксплуатация и возможности. 1934. 202 с.: карт.
6. Камчатские коряки: Современное положение племени и значение его оленьего хозяйства. Тяньцзинь: Тип. А.И. Серебренникова, 1932. 99 с.
7. Колониальная система на Севере // *Вольная Сибирь*. Прага, 1930. №9. С.84—96.
8. Амгунские тунгусы и негидальцы, их будущность. Харбин: Изд-во ОИМК, 1927. 16,6 с.
9. Камчатка: Природа, население, хозяйство. Владивосток, 1926. 40 с.: ил.

¹ Скачков П.Е. Библиография Китая. М., 1960. С.636.

² Жернаков В.Н. Профессор Иван Иванович Гапанович // *Russians in Australia*. Австралия: Мельбурнский ун-т, 1971. №2. 7 с.: портр., библиогр. (50 назв.).

³ Гапанович И.И. Революция на Севере: Охотско-Камчатский край в 1917—1922 гг. // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1967. С.132.

⁴ Там же. С.136—137.

⁵ Там же. С.140—141.

⁶ Годовой отчет за 1924/25 г. Владивостокского подотдела Государственного Географического общества (Общество изучения Амурского края). Владивосток: 1925. С.11.

⁷ Матвеев З.Н. Что читать о Дальневосточной области: Опыт систематического указателя литературы (классифицирован по международной десятичной системе). Владивосток: 1925. №1660, 2911, 2488, 3859.

⁸ Гапанович И.И. Колониальная система на Севере // Прага, 1930. №9. С.93.

⁹ Гапанович И.И. Россия в Северо-Восточной Азии. Ч.1. Колонизация Севера в прошлом и настоящем. Пекин: 1933. С.176.

¹⁰ Жернаков В.Н. Профессор Иван Иванович Гапанович. С.4—5.

¹¹ Там же. С.5.

¹² Гапанович И.И. Революция на Севере... С.145.

¹³ Stephan John J. *The Russian Far East: A History*. Stanford University Press, 1994. P.430.

При написании статьи был использован грант от IREX (International Research & Exchanges Board. Individual Advanced Research grant for foreign scholars. 1993—94).

SUMMARY. The article written by Candidate of Historical Sciences Amir A. Khisamutdinov «Ivan Gapanovich, a Researcher of North East of Asia» tells about a scholar who concerned himself with geography and ethnography studies of Kamchatka in the 30s. Later Gapanovich lived in Harbin, Shanghai, where he became a member of Society of Russian Orientalists. There he made reports on the life of the indigenous peoples of the Russian Far East. After the World War II scholar worked as a lecturer in Peking, Changsha and Kunming. Ivan Gapanovich's contribution into the study of indigenous peoples of the Far East won the recognition of both foreign and Russian scholars.